

и яркости характеров. Мудрой сосредоточенности Иоилия противостоит апокалиптически иступленный Иезекииль (илл. 85, 86); потрясающий своей одухотворенной красотой Исаяя, изображенный в минуты раздумья (илл. 84), контрастирует с неистовым Даниилом — молодой пророк представлен делающим записи во время чтения, но все его движения отличаются такой энергией и стремительностью, что этот, казалось бы, незначительный мотив преобразен кистью Микеланджело во вдохновенный творческий акт. Кумская сивилла наделена сверхчеловеческой мощью и мужественностью, — облик ее таков, что она кажется принадлежащей к племени не людей, а гигантов; Дельфийская сивилла, изображенная в момент прорицания, молода и прекрасна, глаза ее широко раскрыты, весь облик ее полон вдохновенного огня (илл. 83). И наконец, самый трагический из образов сикстинского плафона — пророк Иеремия, погруженный в скорбное раздумье. На свешивающемся свитке помещены начальные буквы его пророчеств: «Стала вдовою владычица народов; государыня областей подпала под иго. И от дочери Сиона ушло благолепие ее». Образ Иеремии воспринимается как непосредственный отклик Микеланджело на бедствия, которые переживала Италия.

Показательно, что даже персонажи, исполняющие в росписи вспомогательно-декоративные функции, наделены всей полнотой образно-эмоциональной выразительности. В фигурах обнаженных юношей, так называемых рабов, расположенных по углам сюжетных композиций, Микеланджело воплотил такую безудержную радость и полноту жизни, такое богатство и разнообразие пластических мотивов, что не будь этих фигур, роспись потеряла бы значительную долю вызываемого ею впечатления ликующей силы.